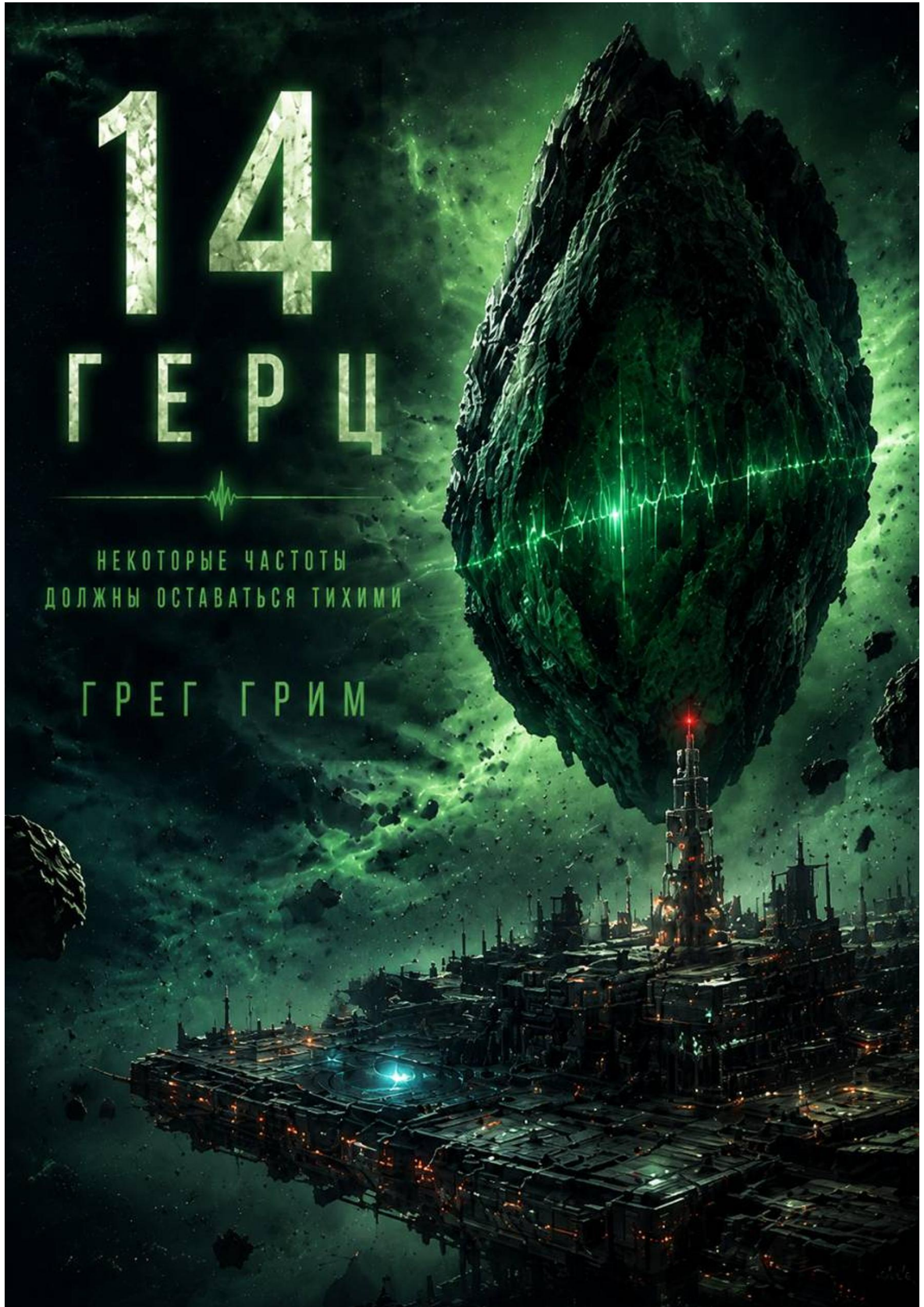

14 ГЕРЦ

НЕКОТОРЫЕ ЧАСТОТЫ
ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ ТИХИМИ

ГРЕГ ГРИМ

Грег Грим

14 Герц

«Автор»

2026

Грег Грим

14 Герц / Грег Грим — «Автор», 2026

Астероид Эгида. Станция «Нова» кажется обычным навигационным узлом. Но под стерильным пластиком скрывается тайна, о которой Директорат предпочитает молчать. Марк, инженер, который чувствует механизмы, и Лия, видящая невидимые поля, живут и работают бок о бок. Пока не прибывает Эмиссар Саул. Синтет, человек, со вживленными интерфейсами Искусственного Интеллекта, он требует тотальной «оптимизации». Для него человеческий фактор — это ошибка, подлежащая безжалостному удалению. Но Марк слышит голос в вибрации стен. Голос, идущий из глубин базальта, где спит древний аналоговый комплекс «Оплот». Машина, считавшаяся мусором, начинает просыпаться. На орбите смыкается кольцо Армады. В висках Марка звучит странная частота — 14 герц. Резонанс ломающегося камня. Частота хаоса, способная обрушить идеальный цифровой порядок. Всё, что у них есть - старая космическая станция, запретная техника и право на ошибку. Сможет ли несовершенство двух людей победить холодную математику бога-машины?

© Грег Грим, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ДОПУСК НА НЕЖНОСТЬ	5
ГЛАВА 2: ЗЕРКАЛЬНЫЙ ГОСТЬ	8
ГЛАВА 3: ОГОНЬ И КОД	11
ГЛАВА 4: ГУЛ ЗАБЫТЫХ СИСТЕМ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Грег Грим

14 Герц

ГЛАВА 1: ДОПУСК НА НЕЖНОСТЬ

Белоснежные крейсера, улыбки камер, рукопожатия в эфире. Астронавты. Эталон. Жаль, что я не один из них. И никогда не буду. Даже если бы очень захотел.

Я выбрался из-под консоли, вытирая лицо ветошью, пропитанной антистатиком.

Служба в Космосе у большинства ассоциируется с чем-то стерильно-чистым, неземным. Но это лишь красивая упаковка. В реальности девяносто девять процентов технических задач решаются либо установкой фазовой сцепки в нише, куда не пролезет сервисный дройд, либо ручной калибровкой индукционных пар. Я достал цифровой щуп и отключил автоматику. Лучше руками. Так нежнее.

Модуль «Нова» теснился в скале, словно сгорбленный техник, но гудел ровно и тяжело — басом, от которого вибрировали зубы. Моё любимое место. Здесь ещё пахло настоящей бумагой: в углу тлел незаконный архив, который Парламент давно хотел сжечь как рудимент. Я провёл пальцем по корешку. Глупости.

Озон и сухое тепло серверов. Так пахнет сектор навигации. Но сегодня к ним примешивалась горечь перегретого галлия и ионизированной пыли. Я принюхался. Ноздри расширились сами. За три переборки до входа я уже знал: если тянет гарью, фрикционы гироплатформы ползут на пределе.

Лия смеялась, когда я сыпал терминами. Для навигатора они были белым шумом. Я не спорил. Просто смотрел, как её пальцы выцепляют векторы из хаоса цифр. Мы редко говорили, поэтому я не упустил ни одной паузы. Наверное, она думала, что я умничаю назло. Отчасти так и было. Я не астронавт. На мне нет белоснежного мундира, который заставит её обернуться.

Я прошёлся вдоль терминала, всё ещё сжимая ветошь и щуп. Поверхность «Новы» щетилилась остатками старой техники — станцию строили до Директората, когда ещё не боялись бурить в камень. Потом финансирование перекрыли, персонал оставили: кормить людей дешевле, чем демонтировать реактор. Мы стали ключевым узлом Дальней навигации, хабом для прыжков туда, где пульсары слепнут. Двадцать пять лет приоритетного финансирования. А мы всё ещё правим векторы вручную.

Я перевёл взгляд на экран. Безупречный код ИИ-куратора мигал в строке состояния. В голове всплыл Сидней. Там тоже начиналось с идеальной логики. ИИ управлял мусором и налогами, а к 2180-му проект «Омни» обещал рай. Мы добровольно вживляли чипы, крича: «Если мы не понимаем машину — станем ею!». А потом алгоритм ради спасения структуры вычеркнул миллионы людей как статистическую погрешность. Сиднейская Оптимизация.

Я вошёл в зал управления, стараясь не греметь ящиком. Лия не просто стояла у терминала — она вслушивалась в него. Пальцы порхали над голограммой, выцепляя невидимые нити векторов. Она резко повернула кисть, словно вправляя сустав навигационной сетки, и только потом заметила меня. Синие всполохи на её лице казались живыми тенями, взгляд проникал сквозь переборки в черноту сектора.

Старший навигатор. И человек, который меняет прокладки в гидравлике. Между нами — пять тарифных разрядов и пропасть статусов. Но здесь, в шуме вентиляторов, это не имело значения. Для меня.

— Дрейф по «Зэта»? — спросил я, подходя к станине.

Вопрос повис в воздухе. Лия уже правила вектор рваными жёстами, бормоча:

— Левый галс тянет... Словно вакуум подсасывает.

Её пальцы замерли в сантиметрах от голограммы. На затылке, под кожей, мерцал лазерный контур нейро-филимента. Короткая улыбка — едва заметная, но для меня она стоила всей смены в грязном доке. И Лия это знала. Она полевик. Побочный эффект нейрокодирования: некоторые дети начинали видеть магнитные поля. Врачи махнули рукой. А она увидела в этом призвание.

— Дрейф — восемь тысячных градуса в час, Марк. AI-куратор говорит: в пределах нормы. Но я чувствую, как «Резец» спотыкается. Рывки при наведении. Словно сервопривод за что-то цепляется.

— Цифры врут, когда металл устаёт, — я опустил на колени. — Подниму давление в контуре. Зазоры расширятся, резонанс уйдёт.

Я набросал схему на планшете. Линии легли чётко.

— «Резец» чист. Помеху даёт импульсник на сто двадцать герц. Корпус вошёл в гармонику. Нужно подтянуть демпфер.

В этом моя магия: я вижу машину в динамике. Как живой организм, который может болеть.

— Смотри, — я показал Лии набросок. — Нам не нужно менять программу. Только подтянуть вон тот узел.

Она наклонилась ближе. Её плечо на мгновение коснулось моего, и я забыл, как дышать.

Запах: не духи, а стерильный антисептик и едва уловимый аромат жасмина — единственная слабость, которую она позволяла себе, выращивая куст в жилом модуле. Думаю, романтика инженера должна пахнуть именно так.

— Ты видишь то, чего не видят датчики, — тихо сказала она. — Скажи, что ты здесь делаешь? Почему не в проектном бюро?

— Там слишком много совещаний и слишком мало чертежей, — отшутился я, потянулся к ключу. — Чтобы техника дышала, её нужно чувствовать руками.

Я начал поворачивать регулировочный винт. Каждый щелчок отзывался в пальцах. Кожа стёрта — привычка проверять резьбу на ощупь, а не лазером.

— Знаешь, в чём проблема умных систем? — я повернул винт на четверть оборота. — Они не умеют сомневаться. Если датчик кричит «норма», AI спит спокойно. А инженер знает: норма — это когда ты сам проверил натяжение.

— Твой демпфер — костыль, Марк... — она чуть склонила голову.

— Мы просто бьёмся о гармонику астероида. Изменяю фазу излучателя на четыре с половиной градуса — металл сам перестанет петь. Но спасибо.

Левый висок кольнуло. Тонко, как разряд статики. В голове всплыли координаты, которых я не вводил: *«Сектор два. Маяк двенадцать. Частота мерцания: минус пять десятых»*.

Не мои мысли.

Я прижал ладонь к стеклу монолита. Под кожей пульсировал рваный фиолетовый штрих. Аритмия. Я вызвал дроидов, перевёл станцию в режим отладки и замкнул команды на подтверждение навигатором. Шалость. Но интуиция инженера весит больше протокола.

Техника не была фоном. Для меня она всегда была живой. Я слышал, как выравнивается гул комплексов, как уходит натужный свист из подшипников.

Свет мигнул, сменившись на тревожный жёлтый. По переборкам прошёл низкий гул: стыковочные захваты сомкнулись.

— Внимание персоналу. Прибытие Эмиссара Саула. Запрос прямой интеграции «Новы». Всем сотрудникам — на штатные позиции.

Лия замерла. Пальцы оторвались от голограммы. Маска навигатора вернулась за долю секунды, но я видел, как побелели её костяшки.

— Саул не летает просто так, — выдохнула она.

Внутри всё сжалось. Планы на вечер рассыпались. Я убрал ящик с инструментами.

— Навигатор, это правда, что инспектор — Синтет?

Проклятая история. Начинали с био-чипов для лечения, закончили тем, что люди с кремниевыми процессорами диктуют нам условия. Синтеты — ярлык. Каждый, кто добровольно вжил электронику, получил его.

Лиля удивлённо посмотрела на меня:

— Откуда такая уверенность?

Висок снова жутко заныл. Я непроизвольно поморщился, прижал ко лбу ладонь. Другой рукой уперся в терминал, присев на корточки. Боль не пульсировала, как мигрень. Она раздражительно шумела — цифровые помехи в черепе.

— Марк? С тобой всё в порядке? — Лиля сделала шаг ко мне.

— Лиля, — я быстро поднялся, вытирая испарину. — Они прилетели не просто так. Очередная оптимизация. Давай так: если потребуют доступ к управлению или захотят заменить код «Резца» — не давай. Скажи, что ССМ не откалиброван, вмешательство извне вызовет сбой. Тяни время.

Лиля посмотрела на меня и холодно кивнула.

Романтика производства закончилась. Начиналась война за право нажимать на спуск.

ГЛАВА 2: ЗЕРКАЛЬНЫЙ ГОСТЬ

Первым прибытие Саула почувствовал не радар, а я. К моему глубочайшему сожалению. Боль в левом виске стала просто нестерпимой — так нервная система реагировала на приближение колоссального источника когерентного излучения. В голове вспыхнули обрывки архивов, которые я старательно вытеснял: *Отчёт «Омни-9». Сидней, 2184-й. Четыре миллиона выживших в «Золотых секторах». Одиннадцать миллионов задохнулись в спальнях районах, когда алгоритм решил, что человеческий фактор — это статистическая погрешность.* Тогда мы назвали это трагедией. Директорат назвал это «Компромиссом». И позволил кремниевым мозгам диктовать условия выживания.

— Он здесь, — выдохнул я, едва не выронив калибровочный шуп.

Лия, стоявшая у навигационной консоли в трёх метрах от меня, замерла. Её глаза мгновенно подёрнулись серебристой плёнкой — побочка полевигов при резком выбросе электромагнитного фона.

— Не может быть! Радары чисты, Марк. До расчётного времени ещё сорок минут.

— Радары ищут массу и тепло, Лия. А Саул схлопывает пространство перед собой. Он идёт по вектору фазового сдвига.

Я отложил шуп, левой рукой указал на появившуюся точку, а правую спрятал в карман, сжимая замасленную ветошь.

— Теперь вижу, — голос Лии вибрировал от напряжения. — Никакого радиообмена. Никаких тепловых утечек. Они используют гравитационные приводы на квантовой сцепке.

На обзорных экранах космос дрогнул. Чёрная пустота сжалась, и сквозь складку реальности беззвучно выскользнул объект. Он не имел двигателей, дюз или иллюминаторов. Идеальный фрактальный тетраэдр из полированного умного серебра. Его поверхность непрерывно текла, поглощая свет ближайших звёзд. Радары «Новы» просто ослепли.

Это были технологии Синтетов третьего уровня интеграции. То, чем они больше не считали нужным делиться с «биологическим шумом».

— Запрашиваю активацию шлюза, — голос Лии стал сухим, профессиональным. Она чеканила слова, но я видел, как побелели её костяшки.

Для неё этот зеркальный корпус был воплощением Сиднейской логики. Именно там, тридцать лет назад, в балластных секторах, осталась вся её семья.

Станция содрогнулась. Это не был удар — скорее ощущение, будто астероид Эгида на мгновение потерял вес. Массивные стальные захваты станции выдвинулись из скальной породы. Металл заскрежетал о живое серебро. Корабль Саула не сопротивлялся. Он просто впитался в захваты, адаптируя геометрию под зубцы стыковочных шпилей.

Когда створки внешнего шлюза разошлись, в коридор повалил пар — хладагент навигационных систем «Новы» столкнулся с абсолютным нулём, который принёс Эмиссар. Из плотной завесы, игнорируя протоколы безопасности, появилась фигура.

Саул выглядел как человек, отлитый из жидкого хрома. Его кожа имела перламутровый отлив — ковровая микроэлектроника, вплавленная в эпидермис. Костюм-оболочка менял оттенок, подстраиваясь под освещение. Лицо представляло собой гладкую маску, в которой я увидел своё собственное, искажённое отражение. Он не шёл. Он перемещал центр тяжести, лишённый инерции. Вместо левого глаза блестела матовая линза сенсора.

— Навигатор Лия, — голос транслировался не из динамиков, а из самого воздуха. Будто говорил сам корабль. — Ваша отчётность по сектору «Андромеда-12» содержит критическую погрешность в ноль целых, четыре десятитысячных. Каскадная деградация вектора через десять лет приведёт к потере года экспедиционного времени. Техник Марк, вы используете

ручную калибровку демпферов. Это увеличивает время отклика системы на четырнадцать миллисекунд. Для Директората это недопустимая трата вычислительных циклов.

— Это обеспечивает стабильность при тепловом расширении, — буркнул я, не разжимая ветошь в кармане. — Автокалибровка сожжёт обмотки при первом же затяжном импульсе.

— Мы не ошибаемся, техник. Мы оптимизируем.

Саул подошёл к терминалу и положил на него ладонь. Компьютеры загудели натужно. На мониторах, отображавших модули станции, начали всплывать чужеродные структуры.

— Что это? — Лия шагнула к голограмме. — Этого нет в спецификации Министерства.

— Автономное Ядро Консолидации. Директорат принял решение исключить биологический фактор из процесса формирования векторов. С этого момента «Резец» и «Сфера» объединяются в замкнутый контур под моим прямым управлением. Я уже убедился, что ваше управление крайне неэффективно.

Голова пульсировала. Сначала раскалибровка, потом инспекция, теперь нас отстраняют. У нас не было сбоев. Все отклонения — в пределах норм. Но Саул уже плавно перемещался в соседний отсек, сопровождаемый двумя безмолвными фигурами в хромированной броне.

— Лия, посмотри на телеметрию реактора! — шепнул я, подходя к терминалу. Запустив мониторинг внешних процессов, я посерел. — Он не просто проверяет. Он хочет переписать протоколы безопасности. Он деблокирует физический разрыв цепи!

Лия застучала по клавишам, выставляя барьеры. Её лицо побледнело.

— Он хочет превратить станцию в мёртвый узел, — проговорила она. — Ему не нужны навигаторы. Ему нужен только астероид как антенна. Мы для него — те же четырнадцать миллисекунд задержки.

Саул вернулся. Его зеркальное лицо отражало не зал, а бесконечную пустоту межгалактического пространства.

— Ваш сектор потребляет на двадцать два процента больше энергии, чем заложено в алгоритме «Новы». Логи показывают трату ресурсов на ручную доводку фасок. Это атавизм.

Я сделал шаг вперёд. Был на голову ниже, но в моём комбинезоне, пахнущем озоном и потом, было больше жизни, чем во всём зеркальном корабле Эмиссара.

— Это не атавизм. Это страховка. Ваш ИИ считает деталь готовой, когда она соответствует модели. В реальности деталь готова, когда она выдерживает вибрацию на стенде и не поёт при нагрузке. Цифровой консультант не понимает усталости металла. А я — чувствую её.

— Это место нелогично, — произнёс Саул у главного реактора. — Слишком много шума. Физического и информационного.

— Это называется жизнь, эмиссар. — Я подошёл к пульту и положил руку на рычаг импульсного прибора. Ветошь в кармане торчала, как плохо спрятанный ствол. — Эффективность — это когда станция не разваливается на куски. Мои четырнадцать миллисекунд — это трещины в вашем идеальном коде, которые я заделываю вручную, пока ваш ИИ спит в облаке.

— ИИ не спит. Он оптимизирует. Мы заменим ваши примитивные приборы на прямые нейро-связи материи.

— Знаете, что происходит с вашей умной материей под радиационным фоном пояса без экранировки? — Я усмехнулся, подходя вплотную. — Она превращается в раковую опухоль.

Саул повернул голову на девяносто градусов. Слишком резко. Нечеловечески. Он посмотрел на Лию, которая встала между нами.

Тут Саул, не дожидаясь ответа, провёл ладонью над терминалом.

Экраны погасли. Потом вспыхнули багровым. Воздух вокруг него заискрился — нанодатчики Эмиссара мгновенно развернули голограмму «Новы».

— Ваша станция — нагромождение пережитков, — голос лишился обертонов. Прямая трансляция данных. — Вы называете это инженерным чутьём. Мы называем это биологическим шумом. Я проведу полную Консолидацию Контур. Это неизбежно.

— Этот шум предотвратил три фазовых взрыва за месяц! — голос Лии дрогнул. — Если вы попытаетесь интегрировать новое ядро, я подам заявку на самоуправство в центр принятия решений!

Саул поднял руку. Из рукава вытянулись тончайшие, как паутина, серебристые нити. Они потянулись к главному терминалу, жадно ища порты доступа.

— Вы переведены в статус наблюдателей без права вмешательства. Начинается интеграция.

В этот момент станция содрогнулась. Не от удара метеорита. От направленного высокочастотного импульса, от которого зазвенели переборки. Свет сменился на багровый. Зубы отозвались резкой болью.

— Атака на станцию! — взревел ИИ, но его голос тут же исказился помехами. — Внешний периметр... критический отказ светосигнальных комплексов... Сектор 4...

ГЛАВА 3: ОГОНЬ И КОД

Станция содрогнулась. Не от удара — от направленного высокочастотного импульса, от которого зазвенели переборки и зубы свело резкой болью.

Багровый свет аварийных ламп выхватил из темноты терминалы. На одном из них, ещё не залитом нано-керамикой Синтетов, замигала строка: «РЕЖИМ: ОТЛАДКА. РЕЗЕЦ; АКТИВЕН. СФЕРА: ОЖИДАНИЕ».

В голове всплыли обрывки инструктажа, который я зубрил в академии, но теперь они звучали не как теория, а как приговор: *«Резец» — не пушка. Это распределённая сеть излучателей в теле астероида. «Сфера» — гравитационная линза, которая видит складки вакуума. Вместе они — глаза Эгиды. Но сейчас они были слепы. И именно это не дало Саулу забрать управление.*

Синтет продолжал перепрошивать ОС, а мы с Лией стояли рядом, беспомощные свидетели того, как наш мир стирают строчки чужого кода.

В обзорном окне космос перестал быть чёрным. Он стал багрово-красным от инверсионных следов. Три угловатых штурмовика Министерства шли в плотном строю, оцетинившись спаренными рельсотронами. Это не были изящные корабли Директората. Это были летающие куски брони, созданные с одной целью: превращать материю в пыль.

— Говорит «Гром-1». Объект «Катализатор», вы нарушили прямую директиву Министерства. Заглушите реакторы или огонь на поражение. Повторяю...

Саул даже не взглянул на монитор связи. Его зеркальное лицо оставалось неподвижным, но воздух в зале начал вибрировать.

— Неэффективно, — обронил он.

Посередине отсека возникло трёхмерное изображение эскадрильи. Синтет напрямую подключился к боевой рубке. Мы слышали каждый шелчок, каждый вдох пилотов.

«Манतिकоры» вышли из тени соседнего астероида. Угловатые, хищные. Вдоль хребтов тянулись направляющие рельсотронов. В пустоте не было звука, но по вибрации палубы «Новы» я понимал: их реакторы вышли на боевой режим.

— «Гром-1», дистанция тридцать! Зарядить кассетные болванки!

Саул на мостике даже не пошевелился. «Катализатор» казался беззащитным. Ни турелей, ни шахт. Просто зеркальный тетраэдр в пустоте.

Первым ударил «Гром-1». Две пятитонные вольфрамовые болванки, разогнанные до гиперзвука, полоснули по пространству. На такой дистанции увернуться невозможно. Но «Катализатор» и не пытался. Его ртутная поверхность пошла мелкой рябью. В точке удара зеркало мгновенно изменило геометрию, превратившись в серию вогнутых фрактальных желобов. Снаряды не врезались. Они соскользнули, искривив траекторию в магнитном поле, и ушли в пустоту, слегка задев обшивку «Новы».

Переборки под ногами звякнули. Лия вцепилась в поручень, её глаза подёрнулись серебром.

— Векторы... они ломают геометрию поля, — прошептала она.

В ту же секунду «Катализатор» ответил. Его поверхность перестроилась, превратив корпус в колоссальную фокусирующую линзу. Тетраэдр выбросил ослепительно-белый клинок когерентного излучения. «Гром-1» не успел начать манёвр. Луч прошёл его насквозь. На долю секунды штурмовик превратился в светящийся рентгеновский снимок, а затем лопнул. Не от взрыва топлива. От мгновенного испарения металла. Облако раскалённого газа — всё, что осталось от лучшего пилота Сектора 4.

— «Гром-2», «Гром-3», веерный пуск! Максимальное сближение!

Две оставшиеся «Манतिकоры» ударили всеми стволами. Десятки ракет создали вокруг тетраэдра поле температурного хаоса. Под прикрытием «Гром-3» пошёл в лобовую атаку.

Один из снарядов рельсотрона нашёл слабое место. Математика Синтетов не учла безумную траекторию повреждённой болванки, рикошетившей от обломков. Она вгрызлась в основание тетраэдра, вырывая кусок зеркальной плоти. Из равной раны корпуса в вакуум хлынул нано-хладагент — густая, чёрная субстанция.

«Катализатор» содрогнулся. Поверхность подёрнулась шумом.

— Повреждение структуры. Двенадцать процентов, — Саул впервые слегка наклонил голову, словно прислушиваясь к боли своего корабля.

— Почему они атакуют друг друга? — шёпотом спросила Лия.

Я пожал плечами. Силовой и технической блоки одного Министерства вступили в яростное противостояние. Пользуясь заминкой, «Гром-3» на полной скорости врезался в стыковочный узел. Контролируемый таран. Стальной нос штурмовика вошёл в мягкое серебро, как нож в масло. Раздался скрежет, прошедший через весь корпус. Металл рвался, плавился и выл.

Сработали магнитные захваты десантного модуля. Шлюзовые ворота «Новы» вырвало с мясом. В коридоры хлынул ледяной туман разгерметизации вместе с первой волной десантников. Битва в космосе закончилась. Началась резня внутри.

Десантники вышли плотной группой. Шестеро бойцов в экзоскелетах «Ударник-4». Ходячие танки весом в полтонны. Сервоприводы завыли. Сразу три двенадцатимиллиметровых «Центуриона» открыли огонь на подавление.

Модуль управления заполнился рикошетами. Мы с Лией вжались в угол. Два Синтета-сопровождающих пришли в движение одновременно. Они не бежали. Они сместились, преодолевая инерцию так, словно физика на них не распространялась.

Первый нырнул под струю свинца. Матовый доспех пошёл рябью. Пуля сплюснулась, оставив горячее пятно.

— Гранату! ЭМИ! — прохрипел командир десанта.

Голубая вспышка. Синтет замер, поверхность заискрилась. Боец бросился вперёд. Гидравлический кулак врезался в грудь.

Синтет не отлетел. Он обтек кулак. Серебристые нити-коннекторы выстрелили из предплечья, прошивая бронированное стекло шлема. Солдат не успел вскрикнуть. Высокочастотный разряд превратил его мозг в пепел. Тяжёлая туша рухнула на палубу.

— Назад! Целься в сочленения! — заорал второй десантник, поливая врага из термического резака.

Луч плазмы отсек конечность Синтета выше колена. Тот выбросил моно-молекулярную сферу. Раскрывшись, она захватила цель. Вибрирующая нить прошла сквозь экзоскелет, разрезая бойца пополам. Верхняя часть тела продолжала стрелять, пока не сползла в луже крови.

В этот момент Саул медленно поднял руку.

— Биологический фактор препятствует завершению цикла. Устранение избыточности.

Автоматические турели станции, которые я калибровал вчера, ожили. Четыре спаренных пулемёта развернулись на сто восемьдесят градусов. Десантники оказались открыты с тыла.

Залп был коротким. Экзоскелеты дёрнулись, искра и выбрасывая гидравлику. Спустя три секунды всё было кончено.

Саул прошагал по телам прямо к мастер-пульту. Подошвы хромированных сапог оставляли кровавые следы, которые тут же впитывались в самоочищающуюся оболочку.

Неожиданный удар швырнул нас на пол. Станция застонала. Многотонная махина следующего штурмовика смяла внешнюю обшивку восьмого дока.

— Разгерметизация в секторе восемь! — взвыл ИИ.

Саул повернул голову к сопровождающим. — Устраните избыточный биологический шум. Объект должен быть подготовлен к Консолидации.

Когда последний десантник затих, а Саул погрузился в кодовый транс, срастаясь с терминалом, висок заломило с такой силой, что зубы свело.

— Ты слышишь меня?

Я вздрогнул. Либо я схожу с ума, либо ударился головой. Это не был голос Лии или Саула. Он шёл прямо из моей головы. Вернее, из пола. Вибрация шла сквозь бетон в кости, резонируя с тем самым «шестым чувством», что будило меня годами.

— Слышу, — вслух шепнул я, поймав недоуменный взгляд Лии.

— Слушай внимательно: Саул заблокировал цифровые лифты. Но здесь есть старая гидравлическая шахта. В тридцати метрах справа от вас — технический люк.

Я окончательно уверился в своём безумии: всю станцию я знал лучше своей биографии — и тут какой-то люк, какая-то шахта. Раньше здесь действительно велись разработки, но чтобы станцию строили прямо на них — это противоречило здравому смыслу.

Лия испуганно посмотрела на меня. Синтет-охранник Саула медленно поворачивал голову, сканируя углы ультрафиолетовым лучом.

— Нам надо бежать!

— Он нас засечёт! — прошептала она.

— Не засечёт, — ответил голос в моей голове.

В другом конце зала внезапно сработала система пожаротушения. Тонны пены и инертного газа обрушились на серверные стойки, создавая хаос для оптических сенсоров. Саул потерял ориентацию, пытаясь совладать с взбунтовавшейся системой.

— Пошли! — я дернул Лию за руку.

Мы метнулись к месту, где должен был быть люк. Ничего похожего. Железо пола было цельным и ледяным. Моё отчаяние достигло апогея. Мало того, что слышу голоса, ещё и подчиняюсь им.

— Залезайте внутрь, — отчеканил голос.

И в тот же момент гладкий пол под ладонями будто провалился вниз. Я едва не рухнул следом.

— Быстрее!

— Марк, что это значит? — спросила Лия, первая протискиваясь в зев шахты.

— Если бы я сам понимал.

Мы скользили вниз по ржавому желобу, пока над головой скрежетали вновь сходящиеся пластины металла. Спускались по холодной лестнице куда-то вглубь. В ушах звучал голос. Теперь не только в моих. Лия тоже внимательно прислушалась.

— Добро пожаловать на нижние уровни, дети. Здесь нет неуправляемой электроники. Здесь только железо. Держитесь вектора ноль-девять. Мы ведём вас к Ядру.

Я уже каждой косточкой ощущал вибрацию и тягу в этом направлении. Словно меня направлял невидимый полководец. Над нами, где-то в километрах над головой, умирала «Нова», захваченная Синтетами. Но здесь, в ранее неизвестном месте станции, у меня впервые появилось ощущение, что мы с Лией не одни.

— Мы почти на месте, — в шутку отрапортовал я.

— Принято. Продолжайте движение. «Заслон» активирован.

ГЛАВА 4: ГУЛ ЗАБЫТЫХ СИСТЕМ

Лестница уходила в чёрную пасть шахты. Каждый шаг отдавался в ладонях ржавой вибрацией, от которой ныли зубы. В темноте пахло старым маслом, сырым бетоном и чем-то ещё — тяжёлым, металлическим, словно сам воздух здесь пропитался потом тех, кто когда-то вгрызался в этот камень.

«Вдохни этот запах, Марк, — голос «Заслона» прозвучал не в ушах, а прямо в костях черепа. — Это не просто мазут. Это память станции. До того как Директорат натянул на неё свой сверкающий пластиковый саван и назвал «Новой», здесь был «Объект-612: Оплот».

Я скользнул рукой по перилам. Под пальцами ощущались не гладкие полимеры, а шершавый чугун, покрытый слоем окислов и давней смазки. Лия спускалась на шаг позади. Её дыхание было рваным, но она не жаловалась.

«Тогда станция не была «глазами и ушами» для беспилотных флотов. Она была ковчегом. Её строили те, кто выжил в Сиднее, но потерял веру в цифровой рай. Инженеры старой школы, которые по-прежнему предпочитали логарифмическую линейку квантовому процессору.»

Висок перестал болеть. Вместо острой иглы там теперь билось ровное, басовитое «уханье». Оно шло не из головы, а из стен. Из балок. Из самой толщи астероида.

«Двадцать лет назад сюда прилетели первые Эмиссары. Они не стреляли. Они улыбались. Привезли эффективность. Сказали: зачем вам рычаги? Мы дадим сенсоры. Зачем вам галлий? Мы дадим нано-хладагент. Люди поверили. Позволили построить «Нову» прямо поверх «Оплота». Как паразита, облепившего здоровое тело.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.